

ГИПОТЕЗА О СОТВОРЕНИИ

Фантастический рассказ

Сорен Алазян оказался невысоким, худощавым, очень подвижным армянином с небольшими усиками на тонком, напряженном лице. Такой образ возник в глубине экрана. Алазян сказал что-то неслышное, заразительно засмеялся и исчез.

Гостев сунул в карман овальную пластинку с округлыми зубчиками — ключ от своей квартиры, который машинально крутил в руках, недовольно оглянулся на оператора — молодого парня с короткой, старящей его бородкой.

— Что случилось?

— Дело новое, не сразу получается, — проворчал оператор и защелкал в углу какими-то тумблерами, заторопился.

А Гостев ждал. Сидел перед экраном во всю стену, как пе-

ред открытым окном, и ждал. За окном-экраном поблескивала матово-белесая глубина, словно висел там густой туман, насквозь пронизанный солнцем. Шлем с датчиками был чуточку тесноват, сдавливал голову, но Гостев терпел: совсем ненадолго собирался он погрузиться в свой «сон», можно было и потерпеть.

В тумане засветились какие-то огоньки, их становилось все больше, и вот они уже выстроились в цепочки, обозначив улицы. Вверху, в быстро светлеющем небе, помигивая рубиново, прошел самолет. Восходящее солнце живописно высветило заснеженный конус горы, затем другой, поменьше. Горы словно бы вырастали из молочного тумана, заставшего даль, красивые, величественные. Их нельзя было не узнать, знаменитые Арараты, Большой и Малый. И улицы, выплывавшие из тумана, Гостев сразу узнал: это был Ереван последней четверти XX века.

Был Гостев историком, специализировался по XX веку, бурно-му, не похожему ни на какой другой. В этом веке история как-то по-особому заторопилась, словно ей вдруг надоело медленно переваливать из века в век, и она помчалась к какому-то никому в то время не ведомому концу, то ли счастливому, то ли трагичному. Было неостомство невиданного человеколюбия и неслыханной жестокости, научные открытия следовали одно за другим с нарастающей быстротой. Люди сами растерялись в этом вихре научного прогресса. Познав слишком много, но не познав как следует самих себя, они оказались на краю самой страшной бездны, когда-либо разразившейся перед человечеством.

Двадцатым веком занимались многие историки, а он все оставался непонятым, загадочным. Поэтому открытие компьютерного хроноканала — хроноперехода было воспринято всеми как долгожданная надежда разом разрешить все загадки истории, объяснить все необъясненное. Хроноканал позволял историку-исследователю включиться в компьютер, который «знал» все о нужном времени и месте, «встретиться» с людьми, жившими в иные эпохи, и как бы заново прожить то, что было когда-то. Хроноканал надежно вел в прошлое, ему было недоступно только будущее. Пока недоступно, говорили оптимисты. Потому что, по их мнению, экстраполировать будущее машине, знающей все, тоже будет нетрудно. Ведь семена будущего высеваются в настоящем...

Гостев был помешан на прошлом, только на прошлом, и, когда ему предоставили возможность воспользоваться хроноканалом, он выбрал, по его мнению, самое значительное — решил своими ушами услышать, своими глазами увидеть, через какие суждения и заблуждения пробивалась одна из основополагающих гипотез — гипотеза о начале начал мироздания. Гостева привлекали непроторенные, малоизученные пути. В отличие от некоторых своих коллег он считал, что науку делают не гениальные одиночки, что, прежде чем Ньютоны и Эйнштейны объявляют о своих открытиях, зачатки этих открытий долго вызревают в умах многих людей, порождая причудливые идеи. Он считал, что эти, в свое время не получившие признания, идеи заслуживают особого внимания. То, что не понято было современниками, в иных условиях, в миропонимании людей будущего, может по-

служить отправной точкой для очередных грандиозных идей, гипотез, открытий. Гостев относился к тем, кто верил в древнюю истину: все, что есть и будет, все уже было. Природа ничего не прячет от человека, у нее все на виду. Просто человек не всегда готов увидеть то, что лежит на поверхности. Так, человек каменного века мог страдать от холода, сидя на горе из каменного угля.

Поэтому-то и выбрал Гостев последнюю четверть XX века, город Ереван, в котором жил и работал один из «возмутителей спокойствия», в то время мало кому известный ученый Сорен Алазян. Компьютер, знающий все, выдавал о нем прямо-таки анекдотичные сведения. Алазян никак не хотел удовлетворяться распространенной тогда тенденцией — понемногу «грызть гранит науки». Он все дробил разом, сплеча, быстро добираясь до сути поставленного вопроса или, что тоже немаловажно, доводя его до абсурда. Он был философом в естественных науках. И как часто бывало с такими людьми, одни считали его гением, другие шарлатаном. Однажды седовласые академики, не зная, чем еще занять непоседливого коллегу, засадили его за такую работу, которая, по общему мнению, гарантировала им десять-пятнадцать лет спокойной от Алазяна жизни. Полгода в научном мире тогдашней Армении было тихо. На седьмой месяц Алазян принес онемевшим академикам отчет о выполненной работе...

Гостев огляделся и понял, что он в гостинице, из окон которой виден чуть ли не весь Ереван, встал с легкостью, прошелся по гостиничному номеру от большого ящика в углу — телевизора — до скрипучей деревянной кровати, застланной желтым покрывалом, размышляя, как связаться с Алазяном, чтобы не насторожить его: по опыту использования хроноканала другими историками знал он, как болезненно реагируют фантомы — компьютерные копии людей — на малейшие ошибки исследователей. Тут сказывалась недостаточная изученность самого хроноканала: фантомы каким-то образом приобретали частицу непомерной чувствительности своих создателей — компьютеров. В конце концов Гостев пришел к выводу, что ему ничего не остается, как играть роль, и он решил позвонить Алазяну по телефону и, назвавшись приезжим журналистом, попросить разрешения навестить ученого.

Как и должно было быть, Алазян ответил сразу, словно специально дожидался этого звонка.

— Я все понял, — сказал Алазян, не дослушав до конца длинную тираду Гостева. — Где вы находитесь?

— Я... — растерялся Гостев, чуть не сказав «я не знаю». — Пожалуй, в гостинице.

— В какой?

— В этой, как ее... Большая такая, на горе.

— Не знаете? — удивился Алазян. — Как же вы в ней поселились?

Гостев понял, что попался, и затосковал: так бездарно провалить сеанс, которого с трудом добился. Сразу заболела голова: тесный шлем даже в компьютерном сне напоминал о себе. Он с тоской поглядел в окно, увидел на соседней горе большой памят-

ник — величественную фигуру женщины с мечом в опущенных руках.

— Тут передо мной на горе памятник...

— Ясно! — обрадованно воскликнул Алазян. — Это гостиница «Молодежная». Я сейчас приеду.

Гостев хотел возразить, что ехать никуда не надо, но в трубке уже зачастили, торопились короткие гудки.

В дверь постучали почти сразу: машина, как видно, сэкономила время. Улыбаясь, как в первый раз на экране, скромно и приветливо, Алазян быстро обошел гостиничный номер, посмотрел в окно на огромную фигуру женщины с мечом, кивнул удовлетворенно, присел к невысокому журнальному столику, снова вскочил, принялся выкладывать из портфеля яблоки, гроздь винограда в большом сером кулке, бутылку коньяка. Бросил пустой портфель в угол, снова заходил по комнате.

— Я очень извиняюсь, что не могу вас к себе домой пригласить, — быстро заговорил он, не давая Гостеву вставить слово. — У нас не полагается так гостей встречать, но не могу сейчас домой, неподходящая обстановка, не для гостя... А вы прямо из Москвы? Кто вам рассказал обо мне?..

— Да я ненадолго, — торопливо сказал Гостев. — Мне только поговорить с вами о теории абсолютных координат пятимерного континуума...

Алазян резко остановился посередине комнаты.

— Откуда вы об этом узнали?

— Из четырнадцатого выпуска трудов Армнипроцветмета. — Гостев с трудом выговорил длинное, трудное слово, содержащее в себе целых семь слогов.

— Как эта книжка к вам попала? У нее тираж-то всего пятьсот экземпляров. На пятнадцать авторов. Представляете? Весь тираж авторы разобрали.

— Попала, — неопределенно ответил Гостев. — Для истории и одного экземпляра достаточно.

— И вы всё прочли?

— Вашу статью прочел.

— Поняли что-нибудь?

— Понял...

— Это не мое открытие, не мое, понимаете? — перебил его Алазян таким тоном, словно ему сказали, что ничего не поняли. — Еще Герман Вейль в тысяча девятьсот двадцать четвертом году утвердил в науке представление о пятимерном континууме и, можно сказать, осуществил предсказание Лейбница о необходимости рассмотрения пространства, времени и массы в качестве координат континуума... Вы меня понимаете? Континуум, коротко говоря, компактное множество. Пятимерный континуум — это пять координат, к которым сводится все многообразие мира, — три измерения пространства, время и масса. Да, масса, которую до этих пор как-то не учитывали. Впрочем, вероятно, всему своя пора. Двухмерная физическая картина древности, соответствующая геометрии отрезков и плоскостей Евклида, уступила место представлениям трехмерной (пространственной) физики средневековья — натурфилософии Галилея. —

Ньютона. Затем пришла пора четырехмерной релятивистской физики Лоренца — Эйнштейна. Физика пятимерного континуума завершает этап выбора координат... Вы меня понимаете?..

Он недоверчиво посмотрел на Гостева и вдруг схватил бутылку, перочинным ножом принялся срывать с горлышка желтую фольгу.

— Прошу извинить, заговорился. — Он поднял стакан, на треть налитый темноватой, густой на вид жидкостью. — У нас говорят: гость в дом — радость в дом. Я очень рад вашему приезду.

Жидкость обожгла горло, приятным теплом растеклась внутри: машина, как видно, и впрямь знала абсолютно все, до мелочей учитывала правдоподобие «сна». Гостев испугался того, что она своими электроимпульсами вызовет и ощущение опьянения, погасит ясность восприятия и тем самым сорвет сеанс или уменьшит его ценность.

— До дна, — словно догадавшись о его сомнениях, подсказал Алазян. — У нас пьяных не бывает. А знаете почему? У нас едят, когда пьют, много едят. Поэтому сейчас мы поедем обедать...

— Я не хочу обедать, — возразил Гостев.

— Пока доедем — проголодаетесь. Вы раньше были в Армении?

— Нет... не был, — сказал Гостев, чувствуя уже легкое радостное возбуждение.

— Вы не были в Армении?! — воскликнул Алазян таким тоном, словно Гостев признался в каком-то проступке. — Тогда так... Минуточку. — Он кинулся к телефону, быстро набрал номер, заговорил с кем-то по-армянски торопливо и страстно.

За окном всюду сияло солнце, тучки скользили по синему небу, пухлые, неторопливые. Время шло, и Гостев начал думать о том, не прервать ли сеанс. Похоже было, что не он задает программу, а Алазян уверенно и властно втягивает его в свое привычное поведенческое русло. Достаточно было Гостеву произнести шифр — пять цифр: 8—17—80, и все остановится. И хоть через час возобновится сеанс, хоть через день, все начнется с этого самого мгновения. Никакого перерыва Алазян даже и не заметит. Только, может, удивленно посмотрит на гостя, забормотавшего вдруг какие-то цифры. Но он не стал говорить своего магического шифра, решил, что лучше всего Алазян может раскрыться именно в своей обстановке. Заставить его только произносить монологи, лишив возможности «жить» привычной жизнью, — значит обрезать сложнейшие нити ассоциаций и обеднить мысль. И как ни дефицитно, как ни дорого компьютерное время, надо этим временем жертвовать. Если хочешь «встретиться» с истинным предком, а не с манекеном, ограниченными непонятными для него, чуждыми ему потребностями. Все должно идти так, как шло бы на самом деле. Только тогда можно быть уверенным, что картина прошлого истинна...

— Сейчас придет машина, и мы поедем в Гегард, — сказал Алазян, резко положив телефонную трубку.

— Зачем... в Гегард? — растерялся Гостев.

— Тому, кто не видел Армении, Гегард надо посмотреть обязательно. Так же как Горис, Гошаванк. И конечно, Эчмиадзин, Рипсиме... Но я предлагаю поехать в Гегард. Потому что там по пути, храм Гарни и хороший ресторан, где можно по-настоящему пообедать...

Он говорил это с завидной уверенностью, что иначе не может быть, иначе никак невозможно. Решительно вышел на балкон, заглянул с высоты через перила.

— Вот уже и машина идет.

— Может, поговорим, и все? — робко спросил Гостев.

— Дорогой поговорим. Где ваше пальто? Нет пальто? Как же вы из Москвы? Там ведь уже холодно. И вещей никаких не вижу. Налегке? — Он с недоумением посмотрел на Гостева. — Более чем налегке.

И снова Гостеву подумалось, что сеанс срывается. Потому что даже всезнающий компьютер не может учесть всего. Вот ведь не догадался снабдить его в эту необычную командировку хотя бы чемоданом. Должен же он знать, что была во времена Алазяна такая потребность у людей — отправляясь в поездки, брать с собой чемоданы с вещами, дополнительную одежду. В растерянности он сунул руку в карман, вынул большой, как раз по ширине кармана, блокнот и успокоился: все-таки компьютер ображает, поправляется на ходу. Ведь Гостев только здесь решил объявить себя приезжим журналистом, и вот у него уже блокнот в кармане. Какой же журналист XX века без блокнота?! В то время еще не умели обходиться без того, чтобы все записывать...

Поколесив по улицам Еревана, машина вырвалась на загородное шоссе и помчалась по неширокой асфальтовой дороге, извивающейся вдоль крутых и пологих склонов. Алазян, сидевший впереди, рядом с молчаливым шофером, непрерывно и страстно рассказывал о проблемах, изучением которых он в разное время занимался, — о постоянстве силы притяжения и непостоянстве скорости света, о влиянии приливных сил Галактики на вращение Земли и об эрозийном сейсмическом конусе — эрсе-коне, о шкале температур ниже «абсолютного нуля», о зависимости распада системы от ее энергии, о гравитационной неоднородности пространства, о неаддитивности энтропии и прочих и прочих.

То ли от частых поворотов, то ли от этого обрушившегося на него клубка теорий, идей, гипотез у Гостева разболелась голова, и он спросил устало, почти раздраженно:

— Как можно одновременно заниматься столь разными вопросами?

— Как разными? — удивился Алазян. — Все они имеют отношение к главному вопросу миропонимания.

— Какому?

— Основополагающему.

Следовало повторить вопрос, но Гостев не сделал этого. Он чувствовал себя очень уставшим, хотелось спать. И чтобы прекратилась эта качка вправо-влево. И чтобы Алазян замолчал, перестал мучить своими то ли на самом деле гениальны-

ми, то ли бредовыми идеями. И вдруг он вспомнил, отчего головная боль — оттого что тесен шлем. И подумал, что вот так же, наверное, уставали от бешеного фонтана идей Алазяна его современники — ученые, и винули его, хотя виноваты были сами, привыкшие к медлительности и постепенности, разучившиеся с молодой бесцеремонностью тасовать доводы, выводы, идеи. И он устыдился своей слабости.

— Трудно, наверное, так много работать, думать обо всем сразу? — сочувственно спросил он.

— Трудно не думать, — ответил Алазян. — Перестать думать — значит умереть.

— Должен же человек отдыхать?

— Обязательно. Вот сейчас мы и отдыхаем.

— Ничего себе отдых! Между делом, отдыхая, противоречить Эйнштейну...

— А кто противоречит Эйнштейну?

— Да вы же своим пятимерным континуумом...

— Такой неблагодарной задачи я перед собой не ставлю. Разве геометрия Лобачевского — Римана противоречит геометрии Евклида? Разве физика Эйнштейна противоречит физике Галилея — Ньютона? Так и теория пятимерного континуума не противоречит представлениям классической и релятивистской физики, а дополняет, расширяет, обобщает и углубляет эти представления. Эйнштейн видел ограниченность физики Галилея — Ньютона в ее механицизме, обусловленном рассмотрением лишь пространственных координат. Теория относительности утвердила необходимость учета четвертой координаты — времени. Но она тоже оказалась ограниченной. Это скоро почувствовалось. Несмотря на все усилия релятивистов, они не смогли создать единой теории поля. Причина, мне думается, не в недостатках теории относительности — это одна из самых стройных и завершенных теорий, а в том, что в представлениях релятивистов отсутствовал пятый континуум — масса, внутреннее состояние системы...

— А почему только пять континуумов? Может, найдется шестой? — перебил Гостев.

— Я его себе не представляю.

— Ну как же. Вы говорите: за пятое надо принять массу. Но если есть масса, то почему не быть ее отсутствию, просто пустоте?

— Вакуум? Это не пустота, это особое состояние массы. Эфир, как говорили раньше.

— Отсутствие есть присутствие?

— Вроде того. Ведь массу тоже можно рассматривать, как отсутствие. Отсутствие вакуума — эфира. Если масса отсутствует в одном состоянии, то обязательно присутствует в другом. И при определенных условиях одно переходит в другое. Рождаются же миры вроде бы из ничего...

— Даже целые вселенные, — вставил Гостев, рискованно намекнув на сделанные уже в XXI веке открытия.

— Даже вселенные, — как ни в чем не бывало подтвердил Алазян. — Звезды, планеты и астероиды, вместе взятые, по рас-

четам, составляют лишь пятнадцать процентов массы вселенной. Остальное приходится на вакуум. — Он помолчал, посмотрел на горы, на небо, испятнанное тучами. — Мне кажется, это можно сравнить с грозой. Бывает, тучка-то всего ничего, а льет и льет дождем. И получается, что воды выливается во много раз больше, чем ее было в туче. Туча, как генератор, перерабатывающий влагу окружающего воздуха в дождь. В воздухе вроде и нет ничего, пуста, а оказывается, в нем огромное количество вполне реального дождя. Или возьмите рождение кристалла... Так и с вакуумом. Теория первоначального взрыва утверждает, что наша вселенная образовалась из точки. В результате какого-то импульса космос вдруг начал перерабатывать энергетические поля вакуума в материю. Масса начала бурно, взрывоподобно менять свое состояние...

— Но почему? — спросил Гостев. — Что-то ведь должно быть в основе, какая-то закономерность, побудительная причина?

— Почему? — переспросил Алазян и задумался.

Вильнув очередной раз, дорога внезапно выпрямилась и, как лезвие меча, рассекла показавшийся впереди зеленый поселок. И там, за поселком, на фоне хаотического нагромождения гор вдруг поднялась поразительно стройная колоннада древнего храма. И эта колоннада, как последний мазок художника, словно бы завершила картину, став ее связующим центром: беспорядок цветковых пятен, изломанных линий вдруг стал живописным.

— Какая красота! — воскликнул Гостев, подавшись вперед.

— Красота! — с каким-то особым удовлетворением, словно все окружающее было его личным, подтвердил Алазян. — Это Гарни. Вечная красота!

Они вышли из машины и долго ходили вокруг храма, меж тесно поставленных колонн, а потом отдыхали от жары в его сумрачной прохладе. И Алазян с уверенностью экскурсовода все рассказывал о многотысячелетней истории этого места, бывшего и энеолитическим поселением, и крепостью, летней резиденцией армянских царей, об этом храме, построенном без малого две тысячи лет назад, разрушенном землетрясением, триста лет пролежавшем в руинах и вновь возрожденном, восстановленном людьми, верящими, что красота не умирает, не должна умирать...

— Как действует красота! — сказал Алазян. — Один дополнительный штрих — и хаотичное мгновенно становится гармоничным...

Потом, проехав еще немного по извилистой асфальтовой дороге, они увидели впереди монастырь Гегард. В тесном ущелье, вплотную прижавшись к высоченным изломам скал, как бы вырастая из них, поднимался белый остроконечный конус церковного купола с едва видимым издали крестиком наверху. Он, этот маленький конус, и несколько белых прямоугольников крыш, прилепившихся к нему, приковывали взгляд, казались центром, главным, ради которого создано все это нагромождение гор. И снова Алазян сказал свое загадочное:

— Один штрих — и все меняется. — Он помолчал, рассматривая выступ горы, на минуту заслонивший монастырь на изломе дороги. — Тысяча лет между храмом Гарни и монастырем Ге-

гарт. И верования разные — язычество и христианство, а законы красоты, пропорциональности, гармонии все те же...

Гостев не понял, что хотел сказать Алазян. Не ради того же размышлял об этом, чтобы открыть очевидное. Непохоже это было на Алазяна, чья мысль купалась в парадоксах и находила все новые. Но он не стал спрашивать, веря, что мысль, как плод, должна дозреть сама. Даже если она рождена в таинственных скоплениях простейших электронных элементов, чутко прислушивающихся к логике ими же созданного фантома.

Они ходили по тесному монастырскому двору, уставленному хачкарами — ажурными крестами, вырезанными на плоских камнях. И на стенах построек, на скалах — повсюду виднелись кресты, местами образуя сплошное кружево. Плиты с крестами стояли и на соседних обрывах, словно часовые, охранявшие эту древнюю красоту от хаоса гор.

— Каждый крест — это же столько работы! — сказал Гостев. — Зачем?

— Для самоутверждения народа, — быстро ответил Алазян. — В любом народе, даже в каждом отдельном человеке живет потребность как-то утвердить себя.

— Можно строить дома, сажать деревья...

— Строили и сажали. Но дома сжигали завоеватели, деревья вырубали... Вы знаете историю армянского народа?

— Немного, — слукавил Гостев.

— Это народ-мученик. В течение последних двух тысячелетий он только и делал, что защищался от многочисленных попыток уничтожить его, поработить, ассимилировать. Очень хорошо сказал об этом писатель Геворг Эмин: «Для того чтобы уберечься от захватнических притязаний своих агрессивных соседей, прикрывающихся дымовой завесой «общности интересов», «слияния», «единства целей», маленькая Армения издавна была вынуждена еще более обособиться, изолироваться, подчкривая не то, что роднит ее с другими народами, а то, что отделяет от них, утверждает ее самобытность. Когда ей угрожала Персия, Армения, чтобы не быть растворенной в ней, оградилась защитной стеной христианства. Когда под лозунгом равенства всех христианских стран ей угрожала поглощением Византия, Армения выдвинула свое толкование христианства, отделившись от вселенского. А когда осознала, что проповедь христианства (даже «своего», армянского) на греческом и ассирийском языках подвергает опасности существование языка армянского и способствует ассимиляции народа, она создала свой алфавит, свою письменность, чтобы проповедовать свое христианство на своем языке, сохранить независимость и самовластие...»

Алазян цитировал уверенно, словно читал текст, и Гостев недоверчиво поглядывал на него: такая хорошая память или это компьютер подсказывает своему фантому, своему детищу?

— Вся эта церковь вырублена в скале. Наружные пристройки появились потом. Айриванк, как называли монастырь раньше, значит «Пещерная церковь». Впрочем, вы сами увидите...

Жестом хозяина он пригласил Гостева войти в маленькую дверь, но вошел первым, быстро прошагал тесным переходом и

остановился посреди просторного зала с колоннами и высоким сводом. Здесь было сумрачно, свет, падающий через небольшое круглое отверстие в центре свода, придавал всему этому залу с черными провалами ниш некую таинственность. Но света было достаточно, чтобы понять, что все вокруг — колонны, своды, барельефные изображения на стенах — вырезано в сплошном монолите горы. Каким же нужно было обладать терпением, настойчивостью и вместе с тем чувством красоты и соразмерности, чтобы вручную, примитивными инструментами, зачастую с помощью того же камня вырубить все это, предусмотрительно сохраняя наросты скалы для барельефных украшений! Почему непомерный, наверняка изнурительный труд этот не убивал чувство красоты?..

Гостев понимал, что он, тоже включенный в компьютер, думает обо всем этом совсем не случайно, что машина подталкивает его к каким-то серьезным выводам, но каким именно, понять не мог. И только росло в нем нервное напряжение, и от этого все больше болела голова. В какой-то миг ему захотелось произнести свой шифр, выкрикнуть его в темноту, как закливание. Вот было бы интересно внезапно исчезнуть, раствориться в таинственном полумраке!..

Они возвращались по той же горной дороге. На очередном повороте Алазян указал шоферу на придорожный ресторан, и они, оставив автомобиль на стоянке, втроем вошли в большой зал, гудящий возбужденными голосами. Алазян пошептался с официантами, и вскоре на столе оказалось множество тарелок с закусками, бутылки коньяка и шампанского.

— Зачем так много еды? — спросил Гостев. — Ведь не съедим.

— Сколько съедим, — неопределенно ответил Алазян и, разлив шампанское, встал над столом. — Я поднимаю этот бокал за великий русский народ, с которым армянский народ находится в близком родстве. Оба наших народа исходят из одного, затерянного в глубине тысячелетий, индоевропейского арийского корня. — Он выпил до дна, сел и неожиданно запел чуть дребезжащим красивым голосом:

То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит,
То мое сердечко стонет...

Гостев тоже выпил шампанское и удивился, почувствовав, как ясность мыслей словно бы подернулась легким туманом. Захотелось обнять этого удивительного Алазяна и петь с ним вместе, тянуть из самого сердца сладкую печаль:

Догорай, гори лучина,
Догорай с тобой и я...

Этого он не ожидал, чтобы компьютер был так педантичен и, воздействуя на какие-то лишь ему известные центры мозга, вы-

зывал подлинное чувство печали. Хотя следовало ожидать: если уж все по правде, так все по правде.

За высокими сводчатыми окнами ресторана начинался крутой склон, а дальше во всю ширь распахивалась панорама ближних и дальних гор. Гостев встал и пошел к окну, чувствуя, как кружится голова, отяжелевшая то ли от слишком тесного шлема, то ли и в самом деле от опьянения. Ноги ступали нетвердо, и он, пошатнувшись, едва не облокотился о плечо какой-то женщины. Мужчина, сидевший с ней за одним столиком, свирепо поглядел на него и медленно стал подниматься с места.

— Восемь, семнадцать, восемьдесят!..

На миг он зажмурился, а когда открыл глаза, увидел себя полулежащим в кресле перед огромным, слабо люминесцирующим экраном. Оператор удивленно глядел на него от пульта управления:

— Вы прерываете сеанс? Но у вас все показатели в норме.

— Голова болит, — раздраженно сказал Гостев.

— Небось выпили? — засмеялся оператор.

— При чем тут это? Шлем надо заменить.

— На замену шлема и переключение всех датчиков уйдет не меньше часа. Я не уверен, что компьютер столько времени продержит момент.

— А говорили: может держать сколько угодно.

— Теоретически. Но дело-то новое, и я боюсь, что теперь течение «сна» изменится и вы не попадете в ту же точку смоделированного пространства-времени...

Но он вернулся в ту самую точку. Вспомнил наметившееся доверие между ним и фантомом, предощущение открытия, вспомнил все это и решил отмучиться до конца, не меняя шлема.

— Пить не надо, — наставительно сказал ему оператор, обирачиваясь к своему пульта.

— Пить не надо! — как эхо повторил сердитый мужчина, все поднимавшийся из-за столика.

Ничего не изменилось вокруг. Казалось, его короткое отсутствие не было даже замечено. Подошел Алазян, заботливо увел Гостева на место, вернулся к сердитому мужчине и принял что-то говорить ему по-армянски. Через минуту он уже чокался там, за столом, и Гостев заметил, что сердитые мужчина и женщина уже посматривают в его сторону с доброжелательным интересом.

«Вовсе не надо пить, — сердито сказал себе Гостев. — Не для того ты погружаешься в машинный «сон». Он решил больше не тянуть и, сославшись на недомогание, сейчас же предложить Алазяну ехать и дорогой еще порасспросить его о разном.

Возвращались в сумерках. Дальние горы затягивала вечерняя мгла. Кое-где дорогу перегораживали полосы плотного холодного тумана — сказывалась осень. И всю дорогу Алазян говорил быстро и страстно, будто несколько не устал за день, не замечая, что повторяется, или не желая этого замечать, поскольку мысли его требовали повторения и повторения, привыкания к ним слушателя.

— ...«Вселенная» Эйнштейна была воспринята не сразу. Че-

тырехмерный континуум, где время рассматривалось в качестве четвертой координаты, вначале не укладывался в сознание и воспринимался лишь одиночками. Но поразительно стройная теория Эйнштейна породила «идола» — ни от чего не зависимое постоянство скорости света. Эта универсальная константа была объявлена максимально возможной в природе скоростью взаимодействий. Позднее Эйнштейн и сам бросил тень на своего «идола», отказавшись от постоянства скорости света в гравитационном поле. Тогда была высказана идея, что свет обладает гравитационной массой и отклоняется у мощных гравитационных тел, то есть испытывает ускорение. Однако «идол» жил. Это было странно для быстро развивавшейся революционизировавшей физики, но никто не решился поставить под сомнение парадокс постоянства скорости света...

— Как же не пытался? — перебил Гостев. — А опыты...

— Опыты Майкельсона, — перебил его Алазян, — в действительности привели лишь к выводам относительно независимости скорости света от других движений. В этих опытах свет распространялся в условиях постоянного гравитационного поля Земли. Но результаты можно трактовать и так, что скорость света на Земле есть функция от тяготения Земли. Если бы измерительная аппаратура находилась в космическом пространстве и опыт проводился в состоянии невесомости, то там скорость света, вероятно, оказалась бы выше. Скорость фотона зависит от гравитации, от расстояния, пройденного им, и, стало быть, от времени его жизни. Старая и ускоряясь, он в конце концов превращается в поле...

— И что из этого следует? — спросил Гостев.

— Из этого следует важнейший постулат теории пятимерного континуума: скорости взаимодействия, универсальной для всей вселенной, не существует. Из этого следует, что, рассматривая структуру мироздания, мы не можем сбрасывать со счетов состояние системы...

Он замолчал, взглядываясь в россыпь огней уже близкого Еревана. И снова Гостеву показалось, что Алазян что-то напряженно обдумывает. Мелькнула мысль: может, его думы самые будничные, может, он озабочен одним — как поскорей отделаться от назойливого журналиста? Это будет неожиданно, если фантом первым устанет и откажется от контакта. Гостев отбросил эту мысль. Не потому, что такого в принципе не могло быть: мера терпения фантома должна быть равна безграничным возможностям компьютера. Просто не вязалось это с характером Алазяна, никак не вязалось.

— Итак, вы утверждаете, что все представления о мироздании укладываются в пять компонентов: три пространственных, время и массу. Но напрашивается вопрос: что же их объединяет?

— Они и есть единство. В природе нет ничего, кроме материи в пространстве и во времени. И выходит, что элементы пятимерного континуума по отдельности не существуют...

— Но ведь естественное состояние мира — хаос...

— Нет, не хаос! Только не хаос! — быстро и страстно воскликнул Алазян.

— Тогда что же?

Алазян помолчал, снизу вверх рассматривая стройные ряды свещающихся окон, рядами опоясывающие цилиндрическое здание гостиницы, к которой они подъезжали. Автомобиль obeжал этот вертикально поставленный цилиндр по круто поднимающейся дороге и остановился у ярко освещенного подъезда.

— Я вам завтра отвечу, — сказал Алазян, выходя из автомобиля.

— Почему не сейчас?

— Я подумаю. Вы ставите очень интересные задачи.

Он проводил его до двери гостиничного номера и ушел, трижды извинившись за что-то. Гостев принял ванну, лег в постель и, уже засыпая, все думал: какие такие задачи поставил он перед Алазяном? Когда?

Он уснул с неожиданной мыслью: компьютер не просто «воскрешает» человека в фантоме, а как бы продолжает его жизнь. И то ли в своем собственном, то ли в иллюзорном машинном сне Гостеву чудились в гармоничном смешении времен и пространств сияющие перспективы человеческого бессмертия...

Ему казалось, что только на миг закрыл глаза, как уже проснулся бодрым, совершенно выспавшимся. В широкие окна заглядывало солнце. Город внизу еще кутался в прозрачную вуаль тумана. Дальше, за городом, туман был плотнее, белым полуводьем захлестывал пространство до самого Арарата, живописным конусом возвышавшегося на горизонте.

С предощущением чего-то нового, необычайного Гостев встал, босиком прошелся по холодному паркету. И тут в дверь постучали. За дверью стоял Алазян, широко, радостно улыбался:

— Едем завтракать, нас ждут...

На такси они добрались до района новостроек, где рядами стояли одинаковые пятиэтажные дома. Их действительно ждали. Стол был уже накрыт, и за ним сидели человек шесть, которых Алазян представил как своих друзей. Снова пришлось немного выпить, и снова Гостев почувствовал раздражение, поскольку опять заболела голова. Но он, решивший все терпеть до конца, заставил себя улыбаться и выразил на лице глубокую заинтересованность, даже когда Алазян стал читать свои стихи. Сначала это была длинная поэма о Заратустре, потом столь же длинный стихотворный пересказ легенды о несчастной любви красавицы Ахтамар, каждую ночь зажигавшей огонь на берегу, чтобы ее любимый не заблудился в темноте.

Гостева стихи утомили. Он хотел было напомнить Алазяну о вчерашнем разговоре, но тут в комнату вошла молодая, очень красивая девушка — дочь хозяйина этого дома, скромно села к столу, послушала стихи, высказала несколько зрелых замечаний и ушла. И сразу разговор за столом пошел только о ней. Все наперебой хвалили родителей, школу, где она училась. Хвалил и Гостев, не в силах удержать теплое чувство нежности и благодарности к кому-то, вдруг охватившее его. Скоро девушка вернулась и подала Гостеву сувенир — чеканку с изображением стройной и гибкой Ахтамар, держащей огонек в поднятых руках. На обороте красивым ученическим почерком с наивным простодушием было написано: «На долгую память от Тамары».

«Дать бы себе волю влюбиться, — с радостным злорадством думал Гостев, пока они спускались по узкой лестнице во двор и усаживались в автомобили. — Интересно, справился ли бы компьютер со всей полнотой томящих и возвышающих чувств?..»

Сколько открытий сделал он за этот сеанс! Оказывается, не только бессмертие богов и мудрость всех мудрецов может подарить человеку машина, но и, наверное, само счастье, светлое лекарство любви!..

На этот раз ехали с эскортом. За их автомобилем, непонятно зачем, следовал точно такой же. Тамара сидела рядом, и это для Гостева многое меняло. Исчезло нетерпение поскорее заставить Алазяна высказаться и на том закончить сеанс, неожиданные и частые его экскурсы то в историю, то в архитектуру, то в эстетику уже не раздражали, и вообще вся эта поездка, еще недавно выглядевшая для Гостева вынужденной, теперь казалась совершенно необходимой, прямо вытекающей из задач хроносеанса.

Они выбрались на загородное шоссе, напрямую пересекавшее обширную долину, и тут Алазян сам вспомнил о вчерашнем разговоре. Ничего он, оказывается, не забывал, просто следовал древней истине, что всему свое время и не место в гостях деловым беседам. А то, что разговор предстоял серьезный, это Гостев понял с первых же фраз, заумных, непростых даже для него, человека из будущего.

— Почему наше пространство трехмерно? — спросил Алазян. — Почему из бесчисленного множества формально возможных размерностей в нашем мире реализовалась именно трехмерность?

— Возможно, это обусловлено нашей психофизиологической организацией? — в свою очередь, спросил Гостев.

— Существует и такое объяснение. Но не законами логики или психологии объясняется трехмерность пространства. Это объективный физический факт, его происхождение связано с глубокими законами нашего мира..

— Это и есть ответ на вчерашний вопрос? — не без иронии спросил Гостев.

— Лишь попытка ответа. Вы задали очень интересный и очень трудный вопрос: хаос ли, случайности ли в основе сотворения? Я всю ночь думал об этом.

— Когда же спали?

— Подремал немного. Но я всегда сплю немного. А тут еще этот ваш вопрос: почему все так, а не иначе?..

— Детский вопрос...

— Дети порой бывают мудрее нас, взрослых, связанных догматическим мышлением. Право же, стоит задуматься, почему все так, а не иначе. Кант полагал, что бог перед сотворением мира был свободен в выборе размерностей пространства. Кант ошибался: даже бог не мог бы позволить себе волюнтаризм. Расчеты показывают, что число пространственных измерений может быть только нечетным и что при «п» больше трех электрон был бы неустойчив и падал на ядро. И круговые траектории планет были бы неустойчивы, планеты или падали бы на притягиваю-

щий центр, или улетали в бесконечность. В нашем мире все подчинено, если можно так выразиться, высшей энергетической целесообразности. Вы меня понимаете?

— Пытаюсь, — сказал Гостев. Он не совсем понимал, что хочет сказать Алазян, но сейчас, в присутствии Тамары, ему нравились рассуждения об устойчивости, о целесообразности, о красоте.

— При «п» больше трех атом не может существовать. В этом случае нет ни пространства, ни материи, ни, разумеется, времени, ничего нет...

Машины стремительно въехали в улицы города Эчмиадзина и остановились возле высоких ворот древнего монастыря. Словно обрадовавшись возможности переменить разговор, Алазян, едва выйдя из машины, с новым энтузиазмом начал рассказывать об этом монастыре, в котором будто бы есть постройки, сохранившиеся с начала четвертого века, того самого, когда Армения «отгородилась крестом от персидской экспансии». За ними ходила толпа людей, решившая, как видно, что Алазян — экскурсовод, так уверенно говорил он об арке царя Тиридата, о патриарших покоях, о древнейшей урартской стеле, о еще не потемневшем от времени обелиске — комплексе хачкаров, возведенных в память о двух миллионах мучеников армян, жертв турецкого геноцида...

Снова Гостев заподозрил, что компьютер подсказывает Алазяну. Не может же один человек знать все.

«Почему не может? — спросил себя Гостев. — Гений может все. На то он и гений, чтобы быть гармонично развитым. Недаром же многие гениальные писатели были и поэтами, и художниками, и музыкантами, и даже учеными. Гению все дается, потому что в нем, как говорил поэт, живет «божественный глагол». Если для Сальери сочинительство было тяжким трудом, то для Моцарта — игрой. Моцарт, несомненно, был универсален, и, если бы Сальери из зависти его не отравил, он выразил бы себя и во многом другом. Гениальность есть универсальность — высшая степень гармоничности...»

Так думал Гостев и все пристальнее приглядывался к Алазяну, находя в нем новые и новые черты — добросердечие, бескорыстие, какую-то открытую, беззащитную благородность... И остро, до тоски душевной, жалел, что между ними, реальными, пропасть времени. Иначе они бы стали друзьями. Обязательно стали бы, потому что постыдно быть рядом с гением и не обогатиться от этого редкого соседства...

— Сардарпат! — представил Алазян очередной мемориал, к которому они вскоре подъехали.

Несоразмерно длинные и тонкие арки тянулись ввысь, и там, наверху, в небесной голубизне, призывно плакали колокола. У подножия арок, опустив головы, стояли крылатые быки, с каменным терпением слушали печальный перезвон. И естественно влетался в эту мелодию быстрый рассказ Алазяна о последней из многих за долгую историю Армении попыток уничтожить армянский народ. С того трагичного года не прошло и трех четвертей века, и еще живы люди, чьи родители в те страшные дни были растерзаны и брошены в придорожные канавы, выселены

в пустыни, изгнаны из родных мест. Земли, на которых народ жил тысячелетиями, обезлюдели. Гармоничное, соответствующее естественным внутренним закономерностям развитие народа застлало хаос распада, смерти. Но не исчез народ. На оставшейся у него крохотной территории он сохранил гармонию души своей в традициях, трудовых навыках, в песнях и верованиях, сохранил национальную гордость, стихийную жажду единства.

В том, 1915 году численность народа уменьшилась вдвое. А еще через три года турецкие порабитители решили совсем стереть Армению с лица земли. И простой народ, не организованный ничем, кроме наследственного чувства единения, почти не вооруженный, толпой вышел на эти Сардарapatские поля навстречу хорошо оснащенному турецкому регулярному войску. И одержал победу. Спас то, что создавал века и тысячелетия.

Да будут разрушены
Все дьявольские ловушки,
И распознаны все приманки удилищ,
И обнажится темная западня коварства...
И зубы грызущих
Да будут вырваны с корнем!..

Алазян произнес эти стихи как молитву, взметнув руки к гуляющим колоколам, и, не оглядываясь, быстро пошел по длинной аллее, уставленной громадными фигурами сидящих каменных орлов, к кроваво-красной стене, за которой в отдалении виднелось такое же кроваво-красное здание, похожее на древний замок. И, словно подчеркнутая этой краснотой, густо синела даль горизонта с пронзительно красивым конусом горы Арарат.

Возле массивных деревянных дверей этого здания Алазян остановился и, обращаясь к Гостеву, произнес успокоенно и торжественно:

— Это были стихи гениального нашего поэта Григора Нарекаци, жившего тысячу лет назад, — и отступил в сторону, церемонно открыл тяжелую резную дверь. — Теперь прошу в музей.

Он водил Гостева, и Тамару, и всех других, приехавших вместе с ними, людей по музею и снова с завидной уверенностью экскурсовода говорил и говорил, сообщая многочисленные сведения едва ли не о каждом экспонате. И снова Гостев с недоверием косился на него, мучаясь сомнениями: неужели сам все знает? И снова думал о какой-то неуловимой, но ясно ощущаемой общности между законами микро- и макромира и историческими судьбами народов, и судьбами отдельных людей, и закономерностями, определяющими красоту поэзии, живописи, архитектуры, даже обычной, вроде бы не подчиняющейся никаким законам интимной человеческой любви...

Потом все они оказались в ресторане за столом, уставленным с безумной щедростью. И снова поднимали бокалы под тосты, один за другим произносимые все тем же неутомимым Алазяном. И грохотал оркестр, и юная Тамара мило улыбалась Гостеву, наполняя душу сладкой печалью. И Алазян уводил Тамару танцевать на середину зала, свободную от столиков, упоен-

но, по-молодому, кружился вокруг нее, и она, маленькая и худенькая, каким-то волшебством вдруг превращалась во время танца в гордую, стройную и высокую богиню, снисходительно-поощряюще улыбалась со своей высоты, сама, по-видимому, не понимая того, электризовала, подбадривала Алазяна, музыкантов, Гостинова, сидевшего за столом.

Своды ресторана, выложенные из красного кирпича, тянулись выше, и там, в вышине, пронизанный солнцем, бьющим в стрельчатые окна, клубился розовый дым...

— Что-то вы все думаете, думаете... — Тихий голос Тамары, прозвучавший над самым ухом, заставил Гостинова вздрогнуть.

— Так уж надо, — переведа дух, растерянно пробормотал он.

— Танцевать надо. Танцы помогают думать.

— Разве не отвлекают?

— Нет, нет. Это у нас все девушки знают. Когда перед экзаменами ум за разум заходит, лучшее средство — потанцевать...

— Она правильно говорит. Она знает. — Она знает. — Алазян наклонился с другой стороны, запыхавшийся в танце, улыбающийся, пахнувший почему-то сухой полевой травой.

— А до чего додумались вы, танцуя? — тотчас спросил Гостинов, решив, что случай для продолжения беседы самый подходящий.

— Пока ни до чего. Но что-то интересное вырисовывается. Этой ночью я просмотрел некоторые работы. — Он сел рядом и, не сводя глаз с какой-то точки на столе между тарелками, заговорил быстро, словно боялся, что не успеет высказаться. — Английский теоретик Поль Дирак записал однажды, что «физический закон должен быть математически изящным». Он, да разве только он один, был убежден, что если найдено симметричное, «красивое», как говорят физики, обобщение теории, то это первый признак каких-то важных физических закономерностей, которые непременно должны реализоваться природой. Бельгийский ученый, один из создателей научной статистики, Адольф Кетле писал, что «все элементы организмов колеблются около среднего состояния, и... изменения, происходящие под влиянием случайных причин, подчинены такой точности и гармонии, что их все можно перечислить наперед». Обратите внимание, и тот и другой подчеркивают основополагающее значение красоты, гармоничности... Авиаконструкторы считают, что красивые самолеты лучше летают. Педагоги в один голос твердят о необходимости гармоничного развития личности... Все ученые пробираются сквозь хаос фактов к идеалам универсальных теорий с явным желанием придать картине мироздания максимальную красоту и гармоничность. Что означает всеобщая жажда гармонии? Случайна ли она?.. Нам кажется, что мир многолик. Но это, пожалуй, лишь потому, что мы плохо его знаем. У каждого человека своя точка зрения, зависящая от меры его знаний и способностей. И от времени, в котором он живет. У времени множество обличий, соответствующих формам пространства и состояния масс. Так и должно быть для единства пространства-времени-массы... Но существует нечто объединяющее, существует! Есть ли что общее, скажем, между жизнью отдельного

человека и «жизнью» целой галактики? Абсурдное сравнение, не правда ли? Но все-таки давайте сравним. Известно, что размер нормальной галактики самое большее в сто тысяч раз превышает размеры ядра, из которого она образовалась. Известно, что активное состояние ядра галактики длится не более одного процента от времени ее жизни. Почти те же самые соотношения, что и у человека. Из ядра половой клетки размером в десять в минус третьей степени сантиметров вырастает организм размером около пятидесяти сантиметров — рост в пятьдесят тысяч раз. Время «сотворения» человека — девять месяцев — равно примерно одному проценту его жизни... Совпадения ли это?.. Жизнь, как считал академик Вернадский, — явление вселенское, она результат взаимодействия макро- и микрокосмоса. Жизнь не случайность, не выхлест слепого хаоса. Она необходимый элемент эволюции вселенной, результат взаимодействия высших законов гармонии, которым в конечном счете подчинено все. И разум, возможно, для того и создан, чтобы ускорить процесс упорядочения, гармонизации. Возможно, на нас, носителей вселенского разума, возложена природой особая миссия. Миссия миссий...

— А мы неразумно копим атомные бомбы, — неожиданно сказала Тамара, и Гостев вдруг увидел, что все сидят за столом, не притрагиваясь к еде, благоговейно слушают.

Алазян как-то сразу сник, потянулся к бутылке, принялся разливать по бокалам шампанское.

— Я что-нибудь не то сказала? — растерялась Тамара.

— Что ты, девочка! — Алазян погладил ее по тонкому плечу и встал. — Я предлагаю тост за наших милых дам, присутствующих и отсутствующих, которые не дают нам взлететь слишком высоко и ожечь крылья о солнце.

Тамара покраснела и поставила бокал.

— Нет, нет, — успокоил ее Алазян. — Это неплохо, совсем неплохо. Я говорил о разуме как о вселенском явлении. Разум каждого отдельного человека — это как элементарная частица, возникающая и исчезающая, переходящая в поле. Особая частица, обладающая индивидуальной волей. Разум каждого отдельного человека нуждается в напоминании, что он лишь гость в потоке вечности, призванный выполнить свою небольшую, но непременно добрую миссию. И безропотно уйти....

Произнеся последние слова, Алазян как-то по-особому пристально посмотрел на Гостева, и Гостев заволновался, приняв это за намек на свой слишком затянувшийся визит. В эту минуту он совсем забыл, где и почему находится.

— Да, — сказал он смущенно и посмотрел на часы. — Мне уже пора.

Он медленно поднялся. Ему захотелось уйти эффектно, цифру за цифрой произнося шифр, прерывающий сеанс. Но вдруг увидел погрузневшие глаза Тамары и снова сел.

— Мне в самом деле пора... Я не говорил раньше... Но мне нужно сейчас... сегодня... Улететь самолетом...

— А у вас вещи в гостинице, — лукаво напомнила Тамара.

— У меня все с собой. Вы оставайтесь здесь, а я прямо на аэродром.

Он собирался отойти куда-нибудь за угол и там назвать свой шифр. Но Алазян властно усадил его на место:

— У нас так не принято. Если надо, не смеем задерживать. Но позволяйте уж проводить, как полагается...

Почти все время, пока ехали до аэропорта, Алазян молчал, то ли обижаясь на Гостева, то ли обдумывая что-то свое, очередное.

Возле билетной кассы гудела толпа, и Гостев растерялся, не зная, как поступить в этом случае. Ему не удавалось остаться одному, чтобы прервать сеанс и улететь самолетом, при таком обилии желающих, как видно, нечего было рассчитывать. Выручил Алазян, сбегал куда-то, пошептался с кем-то и принес билет на ближайший рейс. Снова исчез и вынырнул из толпы с двумя бутылками коньяка.

— Наш, армянский, разлив ереванского завода. Такого в Москве не найдете.

— Зачем же? — растерялся Гостев, принимая бутылки. — А мне и подарить нечего. — Он порылся в карманах, нащупал ключ — овальную пластинку с частыми окатанными зубчиками по краю. — Разве вот это. Ключ от моего дома. Как символ, что я всегда рад видеть вас.

— Как же вы домой попадете?

— У меня еще есть...

Ключ растрогал Алазяна едва не до слез. Он обнял Гостева, расцеловал в гладкие щеки и отстранился, удивленный.

— Чем вы так чисто бреетесь?

— Жидкостью, — не задумываясь, сказал Гостев.

— Какой жидкостью?

Гостев вспомнил, что эта жидкость для бритья в конце XX века еще не была известна, и покраснел, не зная, что и как ответить. Выручило радио, вдруг оглушительно прокричавшее, что объявляется посадка на самолет. И он, так ничего и не ответив, заторопился к выходу, возле которого за высокой загородкой джурные и милиционеры проверяли билеты и багаж.

Он все ловил момент, когда можно будет назвать шифр, но всякий раз, оглядываясь, видел наблюдающие за ним глаза. Так он и вошел в самолет, протолкался среди оживленных пассажиров к своему креслу, сел и задумался о словах Алазяна, сказанных там, в ресторане. Ясно было, что, говоря о всеединстве вселенной, он пытался сформулировать какую-то важную мысль. Какую?

Вспомнилось парадоксальное сравнение Алазяном человека с целой вселенной. Удивительно, что сравнение это не так уж и поразило. Только теперь он понял почему: нечто похожее ему уже приходилось слышать. Давно, очень давно. И вдруг он ясно вспомнил — или это компьютер помог вспомнить? — тот разговор. Не слишком известный, но, по общему мнению, весьма перспективный поэт, с которым Гостеву однажды пришлось беседовать, говорил со страстью едва ли не то же самое, что и Алазян:

«...Еще ничего нет, еще неизвестно, что будет, и будет ли вообще, еще тихо и спокойно вокруг, и только чувствуется неясное

томление, неслышимый гул, заставляющий пристальнее вслушиваться и всматриваться в окружающее — что это? откуда это? Как будто мелодия звучит в абсолютной тишине, мелодию, которую не разобрать. Как будто ритмы отбивают невидимые там-тамы, но какие — не слышно. И мучаешься в предчувствии неведомого, и ждешь, и боишься его.

И вдруг... Что побуждает к этому «вдруг», никто не знает. Но что-то происходит, и ты словно прозреваешь, и внезапный свет заливает и прошлое, и будущее, и на тебя обрушивается торжествующая музыка понимания. И ты из мятущегося ничтожества вдруг становишься богом, всевидящим, всеслышающим, всезнающим...

Так видимая пустота мироздания, вроде бы полнейший вакуум, вдруг исторгает из себя бездну материи, наполняет вселенную торжествующе-пульсирующими ритмами волновых полей, рождает планеты, звезды, галактики, заставляет их гнаться наперегонки к неведомой цели... Куда? Зачем?..

«Не одним ли и тем же законам подчиняется всякий акт творения?!»

Да, он именно так и сказал, тот поэт, именно так...

Машинально, по требованию бортпроводницы, Гостев пристегнулся ремнем, выглянул в овальное окошечко. Отворачивая на север, самолет круто набирал высоту. Заваливалась назад белая шапка Арарата, подернулись дымкой сады Приараксинской долины. Гостев почувствовал, что ему грустно, по-настоящему грустно улететь отсюда. Он достал блокнот, сам не зная зачем, записал на первой чистой странице:

«Прощай, страна гор и легенд, страна вечного народа!

Армения, как я устал от твоего гостеприимства!

Армения, когда я снова увижу тебя!..»

— Никогда! — вслух сказал Гостев, и пассажир, сидевший рядом, с удивлением посмотрел на него.

«Никогда! — повторил он про себя. — Анализ этого сеанса займет немало времени, а затем захлестнут другие интересы, другие дела... А как же с недосказанным? — спросил он себя. — Как без Алазяна понять его слова о вселенском порядке, о господстве гармонии?..»

И тут он ясно, совершенно ясно понял, что Алазян, по существу, пытался сформулировать закон. Совершенно новый, неизвестный науке закон природы. ЗАКОН ВСЕМИРНОЙ ГАРМОНИИ. Фантом не просто повторялся, копируя свою земную жизнь. Фантом творил. О подобном Гостеву не приходилось слышать, и он в волнении принялся расстегивать привязной ремень, чтобы пройти куда-нибудь, хотя бы в туалет, и там, не встречая удивленных глаз, поскорей назвать шифр. Хотелось срочно сообщить обо всем кому-нибудь из своих коллег, удивить, огорошить.

Фантомы могут творить! Да не как-нибудь, а по самому высокому счету. ЗАКОН ВСЕМИРНОЙ ГАРМОНИИ!.. Интересно, если это войдет в анналы науки, кого будут считать автором — его, Гостева, компьютер или Алазяна?.. Ах, не все ли равно! Главное, какую интеллектуальную мощь может использовать человечество, воскресив для творческой жизни гениев прошлого!..

Ему захотелось вернуться в Ереван, еще поговорить с Алазяном, выпросить. Но вернуться было невозможно. Время в этом «сне», копирующем жизнь, как и в самой жизни, не имело обратного хода. Он мог остановить время, назвав шифр, но не повернуть. Была лишь одна возможность: вернувшись, хлопотать о новом сеансе и в иное смоделированное время явиться к Алазяну, как к старому знакомому. Теперь Гостев знал, что он делает это, обязательно сделает...

— Сядьте, пожалуйста, на место! — Бортпроводница возникла перед ним, словно из небытия, красивая и невозмутимая.

— Мне нужно...

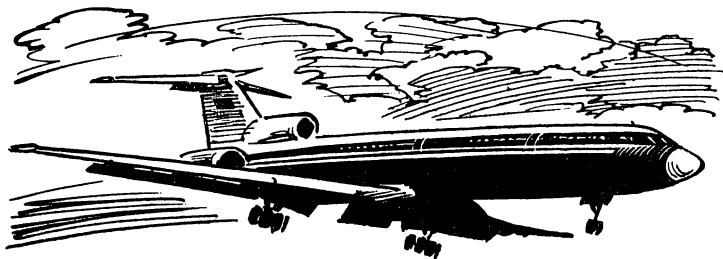
— Встать с кресла до полного набора высоты не разрешается.

— Но мне обязательно нужно!

— Сядьте, пожалуйста, на место!

Загадочно улыбаясь, Гостев поманил ее пальцем, наклонился к аккуратно причесанной головке, слабо пахнувшей тонкими духами, и, разделяя слова, четко произнес:

— Восемь... семнадцать... восемьдесят!..

Андрей СЕРБА — Никакому врагу...

Владимир РЫБИН — Гипотеза о сотворении

Юрий ТИХОНОВ — Случай на Прорве

Жорж СИМЕНОН — Отпуск Мегрэ

Цена 60 коп.

